

**Читайте романы мастеров закрученного сюжета
Анны и Сергея Литвиновых:**

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче
Главная партия для третьей скрипки
Мертвые не лгут
Девушка не нашего круга

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь
Джюльетта стреляет первой
Жемчужные тени

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит

Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета

Сериал «Римма и Паша Синичкин, частные детективы»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпустят дети
Брат ответит

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

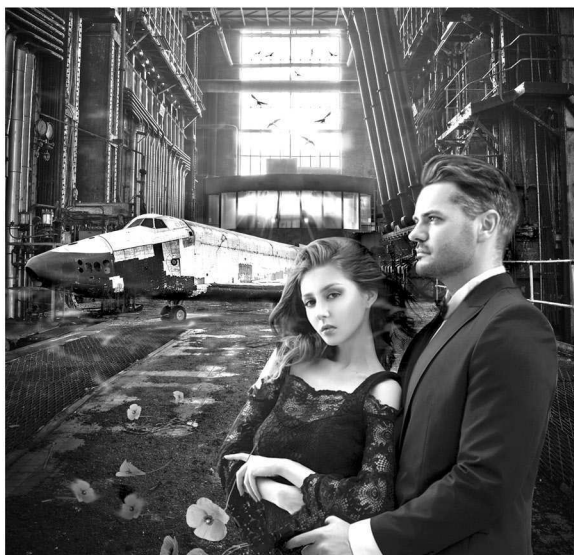
Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть

ТЕБЯ УБЬЮТ ПЕРВЫМ

р о м а н

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Москва
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Дизайн обложки *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Тебя убьют первым / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-119088-0

На юбилей внуки преподносят деду Владиславу Иноземцеву и его старому другу Радио Рыжову — ракетчикам и ветеранам космоса — поистине царский подарок: экскурсионную поездку в Байконур, где прошла их молодость. Но путешествие в прошлое получилось нерадостным: и город, и космодром находятся в плачевном состоянии, во всей отрасли царит разруха и воровство. Убивают подполковника в отставке Талгата Садыкова, попытавшегося расследовать злоупотребления в Главкосмупре. Затем следуют другие кровавые преступления. Уже вернувшись в Подмосковье, от рук убийцы мученически погибает Радий Рыжов. И тут выясняется, что все эти страшные события связаны не только с космосом.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119088-0

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Вдохновлено реальными событиями.

В то же время авторы строго предупреждают: всякое сходство или совпадение описанных в романе событий с реальными происшествиями, а его персонажей с ныне живущими или жившими людьми является целиком и полностью непреднамеренным и случайным.

Вика

По-настоящему эта история началась, когда Радий толкнул дверь квартиры и мы увидели на полу в луже крови тело Талгата... Или, может быть, несколькими днями раньше, когда я сошла с поезда на перроне станции Тюратам и увидела прекрасное лицо Дениса?.. Или, скорее, еще раньше, когда я (шел еще стылый февраль) приехала в Москву и мне за полночь вдруг позвонил сводный братец Сенька...

Февраль. Наши дни. Москва

Вот уж не думала, что в возрасте 20+ у меня появится отец.

И бабуля с дедулей. И — сводный братик ровно моего возраста.

Папаня, Юрий Владиславович Иноземцев, правда, пребывал от меня крайне далеко. Он, как оказалось, профессор, славист, преподает русский-литературу в универе в своей Калифорнийщине. Хотя мы по видеосвязи регулярно с ним толкуем — и даже с женой его новой, на-

туральной американкой. И с детками его, моими единокровными братьями-сестрами, которые, как и мачеха, по-русски ни бум-бум, приходится мне с ними свой инглиш тренировать.

Зато все прочие родственники — в относительной доступности. Особенно по масштабам нашей страны. Я сама в Поволжье, в городе М. проживаю. Они — в столице, в белокаменной нашей. Но всего-то ночь на поезде — и вот она, Москва златоглавая.

И так вышло, что я со своими новообретенными родаками даже, типа, подружилась. Наверное, сказалось, что я теперь по жизни одна как перст. Мама — умерла, бабушку мою Жанну убили давным-давно. Любимой прабабки не стало лет двадцать тому. И человек, которого я считала своим отцом и который обо мне заботился, Виктор Шербинский — за ними в страну теней последовал. А вдобавок ко всему во время моей отсидки в СИЗО мой женишок Ярослав подло меня предал.

Поневоле при таком раскладе будешь искать, к кому прислониться.

Но когда с москвичами общаешься, ведь главное, я давно поняла, — ничего не просить. Быть им ровней. А у меня собственная гордость имеется. И богатство — квартира в Москве. Подарок прежнего моего отца, Шербинского, международного переводчика-собкора. Да, именно *прежнего* отца — который, как впоследствии ока-

залось, и не отец мне вовсе. Но об этом позже. И это еще, кстати, следовало уточнить-проверить.

Так вот, квартирка моя столичная, хоть однокомнатная, зато в понтовом месте. У метро «Рижская», прямо на проспекте Мира, в сталинском доме. Правда, очень неприятные ассоциации она у меня стала в последнее время вызывать¹. Поэтому я ее сдавать наладилась. Но сдача — дело такое. Постоянного пригляда требует. Не все риелтору поручишь. Вот и сейчас: нашла мне моя Янина вроде нормальных жильцов — в Останкино работают, на телевидении, типа. Да только там началось: пьянки, гулянки, крики, ор, мат. Соседи замучились участкового вызывать. Пришлось телевизионщикам от постоя отказывать. А с новыми претендентами, я сказала, сама буду кастинг устраивать. Вот и пришлось через риелторшу собеседования-просмотры на субботу назначать, а самой из М. в Первопрестольную ехать, чтобы выбрать среди многочисленных кандидатов в арендаторы подходящих.

Но нет худа без добра: заодно повидаюсь со всеми родными. Не просто приеду в златоглавую,

¹ Подробно об этом, а также семейную историю Иноземцевых — Рыжовых — Спесивцевых можно прочесть в тетралогии Анны и Сергея Литвиновых «Высокие страсти». Роман первый — «Исповедь черного человека», второй — «Сердце Бога», третий — «Бойтесь данайцев, дары приносящих» и четвертый — «Здесь вам не Сакраменто».

как бедная провинциальная родственница, типа, к бабушке-деду погостить. Прибуду к себе домой и вроде как по делам. А заодно с новоявленными родственниками встретиться.

У меня особенно с дедом Владиславом Иноземцевым отношения сложились. Я его «дед Влад» называю и на «ты». Может, мы так душевно близки стали оттого, что он, как и я, неприкаянный. Жена его вторая лет семь как умерла. Первая супруга, Галина (и моя, типа, бабка по крови), которая когда-то первой советской космонавткой стать готовилась, давно его бросила, имеет второго мужа-старичка и на деда внимания не обращает. Живет дед Влад один-одинешенек в квартире где-то в районе Ленинского проспекта. Сам ведет хозяйство, варит куриный бульон на неделю. В квартире — идеальный порядок, ни пылинки, ни соринки. Поддерживает себя. Приезжают к нему только несколько дипломников и диссертантов из Бауманки — он их школит. Внук его родной Арсений (мой полубрат) особенно его визитами не балует. Сын его единственный (и мой отец), как я уже говорила, далеко, в своей Калифорнийщине.

Зато как я приезжаю, дед Влад аж сияет. Начинается чай, тортики. Истории про Королева, Гагарина, первых космонавтов — он их всех знал, и близко. Рассказы про то, как он на Байконур на первые запуски ездил.

А уж если они вдруг со вторым старым хрычом сталкиваются — другом юности (и по совме-

стителству вторым дедом Арсения), Рыжовым Радием Ефремовичем, — там вообще тарарам начинается. Да еще если эти два старикана слегка подопьют! Шутки, веселье, подколки, рассказы бесконечные. Энергии и магнетизма у них побольше, чем у иных двадцатилетних.

И у другого старца, «дяди Радия» (как я его иногда называю), отношение ко мне тоже особое. Его крови хоть во мне и нет ни капельки, зато (он не раз это мне говорил, да я и сама на фото видела) очень я похожа на свою собственную бабушку Жанну. Ту, которую Радий беззаветно любил и которую (как он считает) предал. И винится. И она была убита в самом молодом и нежном возрасте, еще в 1959 году. А я за ее гибель спустя много лет отомстила, но сама потом за то поплатилась¹.

В общем, не успела я в пятницу поздно вечером, после самолета из М., аэроэкспресса и метро, в мою столичную квартирку ввалиться — да что там вечером, ночь была на дворе! — звонок. Кто там? Мой странный полубрат, единокровный Арсений.

— Прибыла?

Я не стала его выпрашивать, откуда знает. Подумаешь, бином Ньютона! У меня на телефоне геопозиция выставлена, и для соцсетей она

¹ Об этом — в начальных томах тетралогии Литвиновых «Высокие страсти».

доступна. Значит, все видели, кому интересно: я путешествую, прибыла в златоглавую. Усмехнулась:

— Следишь за мной, большой брат?

— Ага, слежу, мелкая ты моя сестренка.

— Чего звонишь?

— Надо повстречаться, обсудить кое-что.

— Что вдруг?

— Дело есть.

— А по телефону или мессенджеру нельзя?

— Лучше глаза в глаза.

— Я завтра, в субботу, весь день занята. — Не буду я ему, естественно, говорить, чем занимаюсь, но у меня последний претендент на квартиру, Янина сказала, на восемь вечера записан. — А послезавтра, в воскресенье с утра, к деду Владу в гости иду. И вечером — назад, домой в М. лечу. Плотный график, извини.

— Давай тогда завтра вечером. Или ночью.

— Ты-то, понятное дело, сова. А мне за что страдать?

— Да ладно, ты что, пивасика не хочешь с любимым братиком дернуть?

— Только я никуда не поеду. Тем более к тебе в твое Братцево.

— Не Братцево, а Братеево, периферийный ты человек.

— Это все равно. Приезжай на Рижскую, в моем доме есть какое-то заведение.

— Принято!

В доме, где у меня квартира, действительно имелось кафе, и вечно (окно мое во двор) воняло мне запахами кухни. И все время вывески менялись — не выдерживали конкуренции или аренды столичной сумасшедшей. Сперва было что-то японское, потом аглицкий паб, теперь нечто с понтом итальянское.

Ладно, все равно надо мне где-то завтра ужинать, не готовить же самой (и жевать потом в одиночестве на кухне). А тут хоть с Сенькой поболтаем. Он у меня забавный.

Как вообще получилось, что он стал моим полубратом?

Мамочка моя Валентина, несчастная, любимая, высокоталантливая, широко шагающая, полжизни проработала в Москве журналисткой. (Остальные полжизни перебивалась и растила меня в М.) Как раз лучшие ее годы выпали на самый излет и угар советчины — семидесятые, восьмидесятые. А известно, что тогда в среде творческой интеллигенции творилось. Сплошной промискуитет. Никаких сдерживающих центров. Ни религии, ни веры — ничего. И парткомов уже не боялись. Все трахались со всеми.

А мамочка моя была — ох, штука хоть куда. Красивая, задорная, веселая, раскрепощенная. Ее многие, могу себе представить, да, очень многие добивались. Но она (как дура — самокритично говорила она сама про себя) влюбилась без памяти и на всю жизнь в Шербинского. Человека,

которого я всегда, до последнего времени, почитала своим отцом. Лет на двадцать ее старше, лощеный, холеный. Пара языков в бэкграунде, собкорский пункт в Париже. Но, беда, был Шербинский женат. И от супруги уходить не хотел. Боялся — карьера пострадает, да там и жена болела, и дочери росли. Короче, морочил матери моей голову.

Но на мамочку мою, конечно, и другие самцы слетались, как мухи на мед. И ухаживали, и рассыпались перед ней, расстилались, ниц падали. А Шербинского и рядом-то часто не бывало. То он за мир во Франции борется, то с Острова Свободы очерки шлет, то в пылающем Лаосе корреспонденции пишет. И в то время Юрий Иноземцев, сын деда Влада и бабки Гали, тоже журналюга тогда, молодой, красивый как бог, румяный, талантливый, в нее влюбился. Добивался изо всех сил. Обещал все бросить, из семьи уйти.

А у него у самого тоже жена была. Звали Мария. И она, эта Мария — дочка того самого дяди Радия, который моего деда Влада — первый и закадычный друг.

И вот Юрий Владиславович Иноземцев заделал ребеночка своей законной супруге Марии — и получился мой полубрат Арсений. И в то же самое время штурмовал-атаковал мою бедную мать. И она ему уступила, в результате чего через девять месяцев на свет появилась я.

Мать моя Валентина, конечно, и в Юру этого тоже отчасти влюблена была. Но пробежала меж ними черная кошка, состоялся огромный скандал — и разрыв. А раз уж они разбежались, и продолжения отношений не предвиделось, мамашка моя справедливо посчитала: пусть детка в ее животе (то бишь я) будет считаться дочерью Шербинского. В самом деле, у того ведь и вес, и положение, и богатство. И мамочка моя никому-никому и никогда не говорила, что в реальности я — Иноземцева. Все всегда, и Шербинский, и я, считали, что я — его порождение. И Викой я названа, можно сказать, из эпатажа, чтобы жене законной нос утереть — в его, Виктора Шербинского, честь.

Шербинский так и ушел к праотцам с глубоким убеждением, что я его порождение, да и мне мамочка моя бедная до самой смерти ничего не говорила. И лишь потом, постфактум, как начались у меня нелегкие деньки, адвокат мне мой открыл глаза. И отец мой, оказавшийся родным, Юрий Владиславович Иноземцев, надо отдать ему должное, не отрекся от меня, в трудные времена помог.

Вот так и получилось, что у меня с братиком единокровным всего пара месяцев разница в возрасте.

Активным он был, любвеобильным — нынешний американский профессор Иноземцев!

Пиво в заведении «Макароны по-флотски» в моем московском доме, конечно, оказалось